

Касаткин-Ростовский Федор Николаевич

**Стихотворения Ф. Н. Косаткина-
Ростовского**

1900-1906 гг.

УДК 82-1
ББК 84-5
Ф33

Ф33 **Федор Николаевич К.**
Стихотворения Ф. Н. Косаткина-Ростовского: 1900-1906 гг. / Касаткин-Ростовский Федор Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 355 с.

ISBN 978-5-519-88569-0

ISBN 978-5-519-88569-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

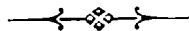
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Помнишь ли свѣта дурное вліянье,
Рядъ ненавистныхъ условныхъ оковъ,
Взгляды пустые, пустыя желанья,
Скучную жизнь безъ мечтаній и сновъ...
Помнишь, какъ мучилось сердце больное...
Вдругъ оживились святыя мечты...
Церковь, вѣнчанье порою ночью —
Помнишь ли ты?

Помнишь, какъ счастливы были вы оба,
Какъ были веселы въ жизни вдвоемъ...
Помнишь ли ты, какъ житейская злоба
Васъ разлучила навѣки потомъ?
Люди разбили, чтò было высоко,
Съ грязью смѣшали святыя мечты...
Какъ разошлись вы далеко... далеко —
Помнишь ли ты?...

УЗНИКЪ.

Въ мрачной темницѣ, прикованный цѣпью,
Узникъ на жесткомъ полу умираетъ,
Смотритъ онъ въ небо, гдѣ плавно надъ степью
Съ крикомъ побѣднымъ орелъ пролетаетъ...

Въ крикѣ томъ — радость свободы полета
Вольной и сильной ликующей птицы, —
Узника онъ отвлекаетъ отъ гнета,
Грезой уноситъ его изъ темницы...

И надъ привыкшими къ мраку очами
Въ снахъ пролетаютъ бывлыя картины,
Небо съ блестящими солнца лучами,
Степи и горъ снѣговыя вершины...

Тихо въ темницѣ... Съ земли отдаленной
Къ узнику шумъ не дойдетъ ни единый,
И, отдаваясь мечтѣ, какъ влюбленный,
Жадно онъ слушаетъ клекотъ орлиный...

ЛУЧИ.

Какой ужасный день... Туманной пеленою
Закутанъ міръ... Все въ тьму погружено,
И сердце тяжкою сжимается тоскою,
Когда случайно взглянешь за окно.
А гдѣ-то далеко... гдѣ вѣчно плещетъ море,
Гдѣ небеса прозрачны и ясны,
Горячій лучъ играетъ на просторѣ
И преломляется въ поверхности волны.
Тамъ зной! тамъ вѣчный жаръ! Тамъ тучкѣ малой рады,
Что скрыла бы на мигъ палящій солнца свѣтъ.
Но солнце жжеть, терзаетъ безъ пощады,
Лазурь ясна и тучъ на небѣ нѣтъ!..

О! если бь раздѣлить лучей тѣхъ жгучихъ злато,
И часть ихъ въ этотъ край холодный принести, —
О, сколько бь душъ, погибшихъ безъ возврата,
Отъ горькихъ мукъ могли бь они спасти!..
Но имъ не слышенъ зовъ... Въ землѣ обѣтованной
Они палятъ, бездушно-горячи, —
Имъ дѣла нѣтъ, что здѣсь, въ странѣ туманной,
Такъ дороги, хоть мигъ, горячіе лучи!

ПОЗДНО.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Бьетъ семь часовъ... Въ большой вашей гостиной,
Я знаю, черезъ часъ, меня клялись вы ждать;
Быть можетъ, вѣчностью онъ кажется вамъ длинной,
И вы волнуетесь... дрожите... — какъ мнѣ знать?..
Быть можетъ, прочитавъ унылое посланье,
Подумаете вы, что я вамъ только лгу...
— Но знайте... Не могу прійти я на свиданье.
Затѣмъ—затѣмъ, что я отъ васъ бѣгу!

Я ѣду въ ночь... Когда, полны волненья,
Вы нервно ходите, глядя въ окно порой,
Здѣсь, наконецъ, смиривъ въ душѣ сомнѣнья,
Я вамъ пишу дрожащею рукой...
О! если бъ знали вы, какой борьбы ужасной
Мнѣ стоитъ этотъ шагъ, безумный, можетъ быть;
Какъ мнѣ хотѣлось бы вернуться къ нѣгѣ страстной
И, словно въ юности, и вѣрить и любить...
Но силы прежней нѣтъ... Умчались счастья годы,
Минули дни, когда любить я могъ;
Теперь за свой порывъ и часть моей свободы,—
Я знаю,—не могу отдать уже въ залогъ.
Мы съ вами встрѣтились, когда ужъ я судьбою
Во всѣ, что жизнь даетъ, былъ точно посвященъ,
Когда ужъ я усталъ гоняться за мечтою
И благами земли давно былъ пресыщенъ...

Я встрѣтилъ васъ тогда, когда, утративъ вѣру
Во все, что прежде я привыкъ считать святымъ,
Усвоилъ я себѣ спокойную маперу
Смѣяться надъ людьми и счастьемъ ихъ пустымъ...
Мы встрѣтились въ толпѣ... Подъ маской свѣтской дамы,
Вы мнѣ представились холодной и—пустой;
Но вы въ рѣчахъ со мной такъ сразу были прямы,
Что я въ мечтахъ сталъ видѣть васъ иной...
И я, насколько могъ, съ оцѣнкой безпристрастной,
Сталъ въ мысляхъ разбирать души вашей черты,
И тотъ разборъ довелъ меня до страстной,
До опьяняющей волнующей мечты...
Я васъ не принималъ за чудное видѣнье,
Я не хотѣлъ въ васъ видѣть идеалъ, —
Я видѣлъ женщину, которой, въ упоеньи,
Въ своихъ мечтахъ безумныхъ обладалъ...
Настойчиво, безъ словъ, безъ фразъ и безъ вздыханій
За вами я слѣдилъ и, точно дерзкій воръ,
Я похищалъ у васъ въ часы нашихъ свиданій
Хотя одинъ случайно нѣжный взоръ.

Какъ долго, помните, вы мнѣ не покорялись,
Какъ долго я страдалъ, исполненный тоски,
Пока тотъ мигъ пришелъ, когда мы обмѣнялись
Впервые бѣшенымъ пожатіемъ руки!!!
Тотъ мигъ открылъ мнѣ все... Безъ фразъ любви избытыхъ,
Безъ громкихъ словъ, что такъ нашъ любить свѣтъ,
Я прочиталъ въ глазахъ вашихъ открытыхъ
Моей любви безтрепетный отвѣтъ...
О! какъ я счастливъ былъ! Въ порывѣ увлеченья,
Я вѣрить былъ готовъ всему, что отрицалъ. —
Увы! тотъ бредъ продлился лишь мгновенье,
Пока у вашихъ ногъ въ волненьи я мечталъ.
Но, возвратясь домой, я началъ, отрезвленный,
Въ раздумьи горестномъ все это вспоминать,
И понялъ я, безумецъ ослѣпленный,
Что грезъ любви мнѣ вновь не испытать.
Я слишкомъ знаю жизнь... На все смотрю я здраво,
И даже слишкомъ здраво, можетъ быть,

Куда я васъ веду? Имѣю ли я право
Вамъ о любви и счастья говорить?
Твердить вамъ про любовь и знать, что пробужденіе
Отъ сна отраднаго грозитъ ужъ скоро намъ,
Что дни пройдутъ, наступитъ охлажденіе,
Придетъ пора «прощай» сказать мечтамъ!
Имѣю ль право я, который полонъ прозы,
Который жизнь кланетъ, не вѣря больше ей,
Вамъ открывать глаза на ложь волшебной грезы,
За прихоть краткую взволнованныхъ страстей!
Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Когда бъ въ минуту жара
И самъ повѣрилъ я — такъ что же изъ того,
Въ моей душѣ все пусто такъ и старо,
Что на любовь въ отвѣтъ не дамъ я ничего!
И вотъ, когда, въ волненьи, ожидал,
Въ гостиной голубой однѣ вы у окна,
Я вамъ пишу, навѣки уѣзжая...
Простите мнѣ... Тяжка моя вина...
Простите то, что, страстью ослѣпленный,
Увидя васъ, о прошломъ я забылъ,
Что, свѣтлою мечтой невольно увлеченный,
Васъ за собой безжалостно манилъ.
Ошибку попялъ я и ѣду... такъ честнѣе;
Я ѣду потому, что васъ хочу спасти,
Но видѣть васъ боюсь, спѣшу отъ васъ скорѣе,
Не въ силахъ вамъ сказать послѣднее «прости»...
Я вамъ пишу не съ цѣлью оправданья, —
Простите сами мнѣ... И мнѣ вѣдь не легко.
Мое прочтете завтра вы посланье,
А я — въ тотъ часъ я буду далеко!
Я на письмо не жду отъ васъ отвѣта.
Прощайте... полночь бѣгъ... спѣшу я на вокзалъ.

(Приниска на слѣдующій день).

Она зашла ко мнѣ... Какъ счастливъ я, что это
Письмо безумное послать ей опоздалъ!..

ДОПИТЫЕ БОКАЛЫ.

По дорогѣ спѣжной убѣгаетъ тройка...
Въ залѣ ресторана кончилась попойка,
Крикъ и шумъ замолкли... всюду тишина,
Скатерти покрыты пятнами вина...
Пусты всѣ бокалы!.. А давно ли въ нихъ
Видны были блески искоръ золотыхъ,
И края ихъ пѣня брызгало вино...
Допиты бокалы... Все кругомъ темно...

Въ сердцѣ въ дни былыя жаръ сокрытый былъ,
Рвался прочь изъ груди юношескій пылъ,
Черезъ всѣ преграды, чуждѣ сомнѣній злыхъ,
Влекъ онъ за собою въ грезахъ золотыхъ.
Но, какъ сонъ унылый, дни, года прошли,
Вѣру въ счастье жизни муки унесли.
Жизнь казалась пошлой, лживою мечта,
И осталась въ сердцѣ только пустота,
Да тоска о прошломъ, что ушло давно...
Допиты бокалы... Все кругомъ темно!!..

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Сѣрый свѣтъ небесъ туманныхъ,
Неподвижныхъ улицъ рядъ;
Въ облакахъ сокрыты странныхъ,
Звѣзды тихія горять.

* *
* *

Шумъ замолкъ... рѣка не плещетъ,
Не шумитъ, дробясь, волна,
И заря чуть въ небѣ блещетъ
Черезъ занавѣсъ окна.

* *
* *

И подъ этотъ блескъ неясный
И зари явтарный свѣтъ
Сердцу, любящему страстно,
Отъ мечты покоя нѣтъ.

* *
* *

И томясь оно не знаетъ,
Страстью прежнею горя,
То закатъ ли умираетъ,
Иль рождается заря?...

КРЕСТЬ.

Я молитвой вчера вдохновенною
Уносился къ небесной тиши
И молилъ я рукою блаженною
Исцѣлить мои муки души.

*
* *

Падалъ я предъ иконою старинною,
Мысли всѣ совмѣщая въ мольбѣ,
Но къ чему жъ вереницею длинною
Умъ смущалъ мнѣ рядъ думъ о тебѣ?..

*
* *

И я тщетно молился, страдающій,
И прощенья себѣ умолялъ.
Образъ твой, точно прежде, ласкающій,
Предо мною, какъ призракъ, стоялъ.

*
* *

Точно онъ говорилъ мнѣ, таинственный:
— «Тщетно душу ты хочешь спасти,
Я всегда буду крестъ твой единственный,—
Вѣчно долженъ его ты нести!»

22 сентября 1901 г.
Чернянка.

ЖИЗНЬ.

По дорогѣ широкой, тернистой и пыльной,
Все впередъ, безъ задержки, не зная — куда,
Въ край безвѣстный, надеждой и свѣтомъ обильный,
Люди темной волною стремятся года.

* * *

Обгоняя другъ друга въ борьбѣ непрестанной,
Съ вѣчной завистью, злобой и мукой въ груди,
Все стремятся они къ этой цѣли туманной,
Что, имъ кажется, гдѣ-то блещетъ впереди...

* * *

Для чего? Чтобъ въ концѣ, не достигнувъ отрады,
Даромъ силы потратить на эту борьбу,
И бороться бессильно весь вѣкъ безъ пощады,
А потомъ, умирая, роптать на судьбу...

1901 г. 21 авг.
Сенявка.

